ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Ответственный за рубрику: Байтенова Н.Ж.
© Исламоведение. 2021. Т. 12, № 4 (50)

ISLAM IN THE CONTEMPORARY WORLD
Person in charge of the section: *Baitenova N.Zh.*
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2021. Vol. 12, № 4 (50)

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-4-5-17

УДК 322:297+343.85

Содержание статьи

Информация о статье

А.Е. Игнатович¹

Введение
Понятие «профилактика
радикализации», её объекты и
субъекты
Практика профилактических мер
в противодействии
радикализации мусульман
Перспективы развития
профилактики радикализации
мусульман
Заключение

Поступила в редакцию: 04.10.2021.
Передана на рецензию: 08.10.2021.
Получена рецензия: 29.10.2021.
Принята в номер: 30.11.2021.

Профилактика радикализации мусульман: понятие, практика, перспективы

Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь;
ignant@mail.ru

В статье рассматриваются понятие, практика и перспективы профилактики радикализации мусульман. Автором предпринята попытка выявить общие методы профилактики радикализации мусульман в первой четверти XXI в. Изучение опыта профилактики радикализации мусульман позволяет проследить, какие меры предпринимались, определить точки соприкосновения борьбы с современным экстремизмом на глобальном и национальном уровнях и спрогнозировать дальнейшее развитие событий. Автор предполагает, что профилактика радикализации мусульман – это совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение нерадикализованного состояния тех, кто может с высокой вероятностью столкнуться с радикальной исламистской идеологией и в результате радикализироваться. Объектами профилактики радикализации мусульман являются представители местных общин, молодёжь и подростки, заключённые. Профилактика радикализации связана прежде всего с информационной работой. Она проводится совместными усилиями государственных органов, активистов гражданского общества и религиозных организаций. Но в странах Востока, в отличие от Запада, в реализации профилактических мер приоритет отдаётся государственным органам и религиозным структурам. Автор приходит к выводу о том, что эффективность профилактических мер зависит от правильно подобранных инструментов противодействия распространению радикальной идеологии для каждой узкой группы лиц в конкретной стране.

Ключевые слова: *социальные меры предупреждения, радикализация, мусульманские общины.*

¹ Антон Евгеньевич Игнатович – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилёвского института МВД Республики Беларусь; кандидат исторических наук.

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-4-5-17

UDC 322:297+343.85

Content of the article

Information about the article

*A.E. Ignatovich*²

Introduction.
The concept of “prevention of radicalization”, its objects and subjects.
The practice of preventive measures in countering the radicalization of Muslims.
Prospects for the prevention of radicalization of Muslims.
Conclusion.

Received: 04.10.2021.
Submitted for review: 08.10.2021.
Review received: 29.10.2021.
Accepted for publication: 30.11.2021.

Prevention of Radicalization for Muslims: Concept, Practice, Prospects

*Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus;
ignant@mail.ru*

The article examines the concept, practice and prospects for the prevention of radicalization of Muslims. The purpose of this work is to highlight the general features of the prevention of radicalization of Muslims in the first quarter of the 21st century. Studying the practice of preventing radicalization among Muslims makes it possible to trace the development of such measures, to identify the areas of common interest at the global and national levels in the fight against modern extremism and to forecast new developments thereof. According to the author, the prevention of radicalization of Muslims is a set of measures aimed at preserving the non-radicalized state of those who are likely to face a radical Islamist ideology and become radicalized as a result. These are representatives of local communities, young people and prisoners. The prevention of radicalization is primarily associated with information work done by joint efforts of government agencies, civil society activists and religious organizations. In the countries of the East, in contrast to the West, state bodies and religious structures are more active in the implementation of preventive measures. The author concludes that the effectiveness of preventive measures depends on correctly selected tools to counter the spread of radical ideology for each narrow group in a particular country.

Keywords: *social prevention measures, radicalization, Muslim communities.*

Введение

Теракты, участившиеся в начале XXI в., заставляют задуматься над эффективностью принимаемых мер противодействия, ставят под сомнение саму возможность противостоять традиционными способами угрозам национальной безопасности со стороны экстремистов-мусульман. Данная проблема все чаще обсуждается в СМИ, в академическом экспертном сообществе, особенно после терактов, которые не удалось предотвратить. Исследование опыта профилактики радикализации мусульман позволяет проследить, какие меры предпринимались, определить точки соприкосновения на глобальном и национальном уровнях борьбы с современным экстремизмом и спрогнозировать дальнейшие события.

Объект нашего исследования – меры по противодействию экстремизму в сообществах мусульман. В качестве же предмета исследования выбран концепт профилактики радикализации мусульман.

² *Anton Evgenievich Ignatovich* – Cand. Sc. (History), associate professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines of Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.

Понятие «профилактика радикализации» в русскоязычном дискурсе наиболее адекватно отражает ту часть мер по противодействию радикализации, которая связана с предупреждением, но которую в англоязычной литературе, а зачастую и в русскоязычной, включают в общий комплекс мер противодействия радикализации. Именно такой подход соответствует устоявшимся тенденциям.

Новизна исследования связана с попыткой обозначить концепт «профилактика радикализации», разграничив понятия «профилактика» и «дерадикализация». В ряде работ эти понятия рассматриваются как единый комплекс антитеррористических мер государства, а в некоторых из них нередко происходит подмена одного понятия другим [7; 8; 9]. Между тем точность формулировок является отправной точкой в формировании программ работы по предотвращению радикализации мусульман.

Понятие «профилактика радикализации», её объекты и субъекты

В широком смысле профилактика понимается как «совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка» [17]. Надо отметить, что в англоязычной литературе используется термин *prevention*, вариантами перевода которого кроме слова профилактика являются «предотвращение», «предохранение», «предупреждение». В свою очередь термин *превенция* в русском языке определяется как «совокупность мероприятий, содействующих устранению причин для совершения преступлений; действие уголовного наказания в борьбе с преступлением» [14]. Возможно, именно на уровне языка так проявляется разница в содержании и объёме термина «профилактика» в разных странах. В русскоязычном пространстве понятие профилактики имеет устоявшуюся традицию использования в разных контекстах. Международные организации предлагают подход, когда противодействие радикализации требует тщательно продуманных именно профилактических мер [15]. Возможно, в долгосрочном плане предупреждение радикализации (т. е. профилактика) может быть более рациональным и эффективным подходом, чем борьба с явными проявлениями экстремизма в срочном порядке.

При всём разнообразии определений радикализация, как правило, рассматривается как процесс, потенциально «приводящий к экстремизму и терроризму с применением насилия» [15]. Определения подобного рода были даны, например, Советом Европы, Европейской комиссией, ими пользуются многие исследователи.

Обобщая, следует отметить, что ключевым моментом этого процесса ученые зачастую называют восприятие экстремистской идеологии, в том числе и мусульманским населением. То есть в ходе этого процесса «лицо приобретает экстремистские взгляды, которые противоречат общепринятой, господствующей идеологии и мнениям в конкретном контексте и которые могут привести или не привести к побуждению совершить или совершению актов насильственного характера, включая терроризм» [16]. Думается, речь может идти как о государственной идеологии, так и о религиозных доктринах.

При этом эксперты международных организаций отмечают, что многие программы, направленные на предотвращение радикализации, основаны на упрощенном понимании этого процесса как заданной траектории, но более точное понимание заключается в том, что путь к радикализации – индивидуальный и нелинейный [6].

При существующем многообразии подходов и определений слово «дерадикализация» следует употреблять для обозначения методов и техник, используемых для того, чтобы остановить и обратить вспять завершённый процесс радикализации (для проявивших себя в качестве экстремистов словом или делом) и

тем самым уменьшить потенциальный риск для общества от проявлений терроризма [23]. Отсюда и необходимость учитывать нюансы такого предотвращения, определить сущность работы с разными категориями населения и на разных этапах идеологического противостояния.

Дж. Хорган, директор Международного центра изучения терроризма университета Пенсильвании, определил, чем отличается «disengagement» («разъединение») от «de-radicalization» («дерадикализации») [25]. Разъединение – это изменение поведения, обычно в результате выхода из террористической организации, тогда как дерадикализация – это когнитивное изменение, обычно являющееся результатом переориентации в убеждениях или идеологии. Ключевой вывод его сравнительного исследования террористических группировок состоит в том, что «существует множество маршрутов» и «существует множество выходов».

Наряду с вышеупомянутыми терминами в англоязычных исследованиях широко используется и термин «counter-terrorism». Обычно под контртерроризмом понимаются практика, тактика, методы и стратегии, которые правительство, вооруженные силы, правоохранительные органы и спецслужбы используют для борьбы с терроризмом или для его предотвращения [23]. Из данного определения ясно, что речь идёт о противодействии террористической деятельности как явной угрозе, прежде всего силовыми методами. В этом же ключе контртеррор (антитеррор) понимается и в русскоязычном пространстве, как на уровне теории, так и на уровне практики. Однако в западном мире данная дефиниция нередко используется в связке с уже упомянутым термином *prevention – preventive counter-terrorism* в значении превентивного противодействия терроризму [24]. Таким образом, наличие именно превентивного начала способствует трансформации понятийного поля.

Окончательно развести близкие понятия может определение объекта воздействия. Так, профилактика, исходя из данного выше определения, предполагает воздействие на потенциальных радикалов, а дерадикализация проводится в отношении носителей радикальной идеологии, в том числе участников террористических организаций. Объектами профилактики радикализации, судя по рассмотренным практикам, являются: 1) представители локальных мусульманских общин в целом; 2) мусульманская молодёжь и подростки; 3) заключённые-мусульмане.

Таким образом, профилактика радикализации – это совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение нерадикализованного состояния тех, кто может с высокой вероятностью столкнуться с радикальной исламистской идеологией и, возможно, в результате радикализироваться.

В вопросе использования профилактических мер в отношении потенциальных мусульманских радикалов отправной точкой видится модель взаимоотношений государства и мусульманских общин. Именно государство является субъектом, определяющим комплекс профилактических мер, направленных на предотвращение радикализации определённых групп мусульманского населения.

Когда говорят об исламском мире в широком смысле, подразумевают не только страны с исламом как с господствующей религией, но и те регионы, где существуют исламские общины.

В Европе есть страны с государственной религией, однако они не являются теократическими (например, Греция, Дания, Исландия, Норвегия). Государственная религия существует также в странах Азии и Африки (например, Алжир, Бахрейн, Египет, Ирак, Кувейт, Малайзия). В этих странах власть контролирует финансирование общин, их устройство и управление, религиозное образование, а религиозные объединения встроены в государственный аппарат [3, с. 89].

Светское государство предполагает отделение религиозных объединений от государства. Обычно при таком варианте выделяют две основные модели: сепарационную (государство дистанцируется от религиозных объединений) и кооперационную (государство сотрудничает с ними в определенных областях) [3, с. 90].

Предотвращение распространения экстремистской идеологии в мусульманских общинах требует совместных усилий государственных структур, активистов гражданского общества и религиозных организаций. Однако в зависимости от модели взаимоотношений государства и мусульманских общин, а также от устоявшихся традиций, политического режима, количества мусульман в стране и других многочисленных факторов приоритет может отдаваться одному из перечисленных субъектов.

Практика профилактических мер в противодействии радикализации мусульман

Исходя из определённых выше объектов воздействия, обзорно рассмотрим опыт в профилактике радикализации мусульман в некоторых странах. Среди программ, ориентированных на локальные мусульманские общины, следует назвать британскую «Channel», которая направлена на то, чтобы не допускать участия предполагаемых экстремистов в террористической деятельности [27].

Эта схема «вмешательства на ранней стадии», предназначенная для работы с людьми любого возраста, подверженных риску подпасть под влияние экстремистской идеологии, укладывается в рамки обозначенного выше определения профилактики радикализации. Указанные меры включают в себя работу с населением, в том числе информационные кампании, использование потенциала местных сообществ по противодействию радикализму. Варианты подбираются индивидуально.

Однако участие в программе добровольное, что явно снижает её эффективность. Также меры профилактики террористической деятельности в Великобритании вызывают обеспокоенность правозащитников [4, с. 191]. Прежде всего речь идёт о стигматизации мусульман, которая приводит к исламофобии. Однако некоторые страны, например Шри-Ланка, ориентируются в противодействии радикализации мусульман именно на опыт Великобритании [9, с. 124].

Есть мнение, что для успешной борьбы с экстремистской пропагандой необходимо активное участие уммы в развитии межрелигиозного и межэтнического диалога, а также обеспечение надлежащего религиозного образования, подчеркивающего национальную идентичность [5, с. 5]. В странах Западной Европы для государственных структур проблемой является и поиск субъектов для коммуникации в реализации программ профилактики радикализации мусульман: сложно выявить направленность той или иной мечети, религиозного объединения и т. д., определить вектор взаимодействия. Некоторые исследователи отмечают подобной рода проблемы и в Российской Федерации [7, с. 31].

Если в странах Запада ставка во многом делается на институты гражданского общества – общественные организации и движения, то в странах мусульманского мира в работу по профилактике радикализации среди представителей мусульманских общин вовлечены прежде всего исламские учёные, пропагандирующие ценности традиционного для конкретного региона ислама.

Опыт России, например, показывает, что ставка на применение методов профилактики религиозного экстремизма, характерных для государств Западной Европы, не даёт должного эффекта [7]. В Российской Федерации, стране, которая имеет многовековую традицию сосуществования различных конфессий, издание фетв

авторитетных мусульманских деятелей способствует противодействию экстремистской идеологии [7, с. 29]. Например, Религиозный совет и Совет Духовного управления мусульман Республики Северная Осетия – Алания стали первыми, кто дал разъяснение, почему для мусульман Северной Осетии недопустимо участие в вооруженном противостоянии в Сирийской Арабской Республике с точки зрения шариата, а также однозначную оценку «Исламскому Государству Ирака и Леванта» (*запрещенная в России террористическая организация*) как нелегитимной и противоречащей исламу организации.

Е.Л. Сокирянская, рассматривая ситуацию на Северном Кавказе, использует именно термин «профилактика радикализации», отделяя её от мер по противодействию насильственному экстремизму, которые включают контроль над радикально настроенными людьми [19]. Подходы к противодействию радикализации в регионе, по её мнению, имеют не только заметную местную специфику, но и много общих черт: 1) акцент на разъяснительную и просветительскую работу; 2) развитие волонтерского движения в качестве альтернативы радикализму; 3) патриотические мероприятия. Профилактические меры в регионе, как отмечает автор, часто очень похожи на советскую идеологическую работу, но в целом широкомасштабные усилия по борьбе с насильственным экстремизмом привели к тому, что молодые люди усвоили: джихадисты осуждаемы в обществе, а участие в террористических группах карается законом [19].

В Саудовской Аравии разработаны эффективные программы дерадикализации, однако использование радикальными группировками сети Интернет для распространения экстремистской идеологии вынуждает власти уделять особое внимание профилактике радикализации в интернет-пространстве [18, с. 176]. Цифровизация меняет многие стороны общественной и религиозной жизни, но даже в новых условиях для реализации профилактики радикализации требуются люди, которые не просто обладают навыками коммуникации в интернет-сети, но и имеют достаточный объём знаний в вопросах веры, чтобы вести аргументированную дискуссию. Возможно, это основная причина того, что эффективно противостоять радикализации в интернет-пространстве у западных государств не получается. При содействии Министерства по делам религии Саудовской Аравии исламские ученые анализируют сайты радикальных групп в социальных сетях и контактируют с интернет-пользователями, попавшими, по их мнению, в зону риска. Прежде чем вступать в дебаты и пытаться переубедить потенциальных радикалов, ученые, используя опыт общения с заключенными-радикалами в исправительных учреждениях, просят пользователей сайта объяснить своё видение Корана. Стенограммы этих бесед размещаются в интернет-сетях, чтобы другие пользователи убедились в несовместимости ислама и идеологии насилия.

Амбициозные цели были обозначены в Марокко. Требовалось оказать воздействие на маргинализованную часть марокканского общества: курс сочетал в себе вопросы улучшения социально-экономических условий в стране, религиозные реформы, пропаганду умеренного ислама и ряд антитеррористических мероприятий [8]. Ключевая роль в реализации этого комплекса мер принадлежит исключительно государству и аффилированному с государственными структурами фонду «Рабита Мухаммеда улемов». Важно отметить, что несколько африканских и европейских стран, таких, как Мали, Сенегал, Нигерия, Гвинея, Кения, Ливия, Тунис, Испания, Франция и Бельгия, обратились за помощью к Марокко по вопросам обучения имамов [8, с. 109–110].

Анализ информации, опубликованной на официальном веб-портале правительства Китая [28], позволяет сделать вывод о специфичности китайского опыта: акцент властями сделан прежде всего на дерадикализации мусульман Синьцзяна. Профилактический характер имеют и социально-экономические меры:

поставлены цели покончить с нищетой во всех ее формах, поддержать молодых людей в получении доступа к ресурсам для непрерывного обучения и профессиональной подготовки, а также в развитии их предпринимательских талантов. Усилия Синьцзяна в области образования и обучения демонстрируют реализацию Китаем международных инициатив и мер по борьбе с терроризмом. Оценка мер такого рода неоднозначна: западные исследователи критикуют власти Китая за якобы нарушения прав человека, а в России опыт этой страны определяют как положительный [12, с. 195].

Хотя радикализации могут подвергнуться люди любого возраста, подростки и молодежь, находясь в поиске идентичности, наиболее уязвимы для идеологии экстремизма [2]. Ситуация может усугубляться недоверием молодежи государственным структурам. Анализируя существующую практику профилактики радикализации среди мусульманских подростков и молодежи в таких странах Западной Европы, как Дания, Великобритания, Франция, Нидерланды [4; 10], следует выделить основные направления работы: изучение явления радикализации в учебных заведениях в рамках специализированных курсов; внешкольные мероприятия для молодых людей, которые находятся в группе риска; привлечение учащихся к волонтерству; получение школьниками неконфессионального религиозного образования; просвещение родителей. Значительная часть существующих практик в странах Западной Европы основывается на элементах самоуправления молодежи и формировании общегражданской идентичности.

Подкомитет по медиа Консультативного комитета при Министерстве внутренних дел Саудовской Аравии выпускает учебные материалы для школ и мечетей [11, с. 21]. Работа подкомитета сосредоточена на пропаганде и образовании и ориентирована в основном на молодых саудовских мужчин. Базовая идея, которую продвигает подкомитет по СМИ, заключается в том, что рядовые члены террористических групп примкнули к экстремистам в силу того, что неправильно поняли основные принципы ислама.

В Российской Федерации также накоплен опыт профилактики радикализации среди молодежи. Но авторы, выделяя направления профилактической работы [7, с. 28], нередко смешивают различные понятия – широкую информационную кампанию, профилактику радикализации среди мусульманской молодежи и её дерадикализацию. В соответствии с определенным автором подходом, профилактикой радикализации является только распространение информации, направленной на формирование нетерпимости к терроризму среди мусульманской молодежи и подростков. Следует упомянуть и положительную роль адатов в профилактике распространения радикальных идей [22, с. 336]. Местные традиции, основанные на общественной практике, ответственности семьи и на нормах шариата, позволяют предотвращать проявления деструктивного поведения в сообществах мусульман.

Заклѹченны́е-мусульмане – отдельная категория лиц, которые рассматриваются как один из основных объектов дерадикализации. Практика показывает, что высока вероятность радикализироваться именно в тюрьмах. В тюрьмах, например, в Великобритании, радикальными группировками ведется активная пропаганда исламизма среди заключенных. Мусульманские сообщества становятся в британских тюрьмах «коллективами выживания» [13, с. 29]. Отмечается, что всё больше заключенных в Великобритании принимают ислам для того, чтобы к ним было особое отношение (послабление режима, соответствующее питание), а также чтобы заручиться поддержкой влиятельных группировок мусульман. Некоторых заклѹченны́х насильно склоняют к принятию ислама.

Опыт многих стран показывает, насколько важно раздельное содержание осужденных, чтобы избежать радикализации заключенных. Анализ реализации

эффективных мер по предотвращению распространения радикальных идей в тюрьмах позволяет выделить два основных подхода: ужесточение условий содержания заключенных-экстремистов и особые меры наказания для них в специальных учреждениях [21]. В итальянской пенитенциарной системе, например, осуществляется комплекс мер по разработке новой модели, основанной на принципе раздельного заключения, что позволяет сократить контакты радикалов за пределами групп [20, с. 28].

Модель «открытой» тюрьмы позволяет привлекать членов семьи заключенного, иных представителей гражданского общества к решению проблем, возникших из-за того, что человек был вырван привычной среды, и его последующей реинтеграции в общество. Однако для иностранцев, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях Итальянской Республики, данная система не работает ввиду отсутствия положительных связей указанных лиц, что повышает риск получения ими поддержки представителей радикального ислама и последующей их вербовки [20, с. 28].

Перспективы развития профилактики радикализации мусульман

Подходы стран в отношении профилактики радикализации мусульман заметно различаются по многим аспектам, в том числе по понятийному аппарату, что создаёт препятствия в противодействии религиозному экстремизму. Поэтому необходимо определить общую позицию по отношению к данному явлению. Но это не означает, что такое единство приведёт к унификации в программах профилактики радикализации мусульман. Зачастую аккумулированный международными организациями опыт отдельных западных стран транслируется в разные регионы мусульманского мира. Минус подобной практики – отсутствие учёта местной специфики.

Одна из проблем немусульманских стран – как обеспечить эффективную защиту населения от угрозы терроризма, избегая при этом стигматизации мусульман. Необходима конкретизация профилактических мер в зависимости от сложившейся модели взаимоотношений государства и мусульманских общин и от глубины их радикализации. В зависимости от этого должны определяться приоритетные субъекты и объекты воздействия.

Возможно расширение круга объектов профилактики радикализации. Опыт некоторых стран показывает, что родственники экстремистов и террористов являются уязвимой группой, поскольку непосредственно контактируют с ними [1]. При этом отмечается, что, например на Северном Кавказе, нередко в «группу риска» попадают салафиты, вдовы убитых или жёны осужденных боевиков [19]. Также внутри семьи может возникнуть напряженность, если ее члены не поддерживают идеологию экстремистов. В то же время семьи подвергаются стигматизации и почти автоматически попадают под подозрение правоохранительных органов. Поэтому члены семей экстремистов уязвимы для радикализации, криминализации и нередко имеют проблемы с психическим здоровьем. Им необходима поддержка на государственном уровне. Любая помощь, оказываемая семьям, приносит двойную пользу. Она не только может защитить их, но даст им возможность вносить вклад в дерадикализацию [1].

Государства часто сосредотачивают внимание на тех аспектах радикализации, которые для них наиболее привлекательны по разным причинам (финансовым, идеологическим и т. д.), и уклоняются от анализа более сложных проблем. Упор делается на программы прямого противодействия террористам и дерадикализации тех, кто проявил свою приверженность экстремистской идеологии. Но наиболее качественное противодействие распространению радикальных идеологий возможно при условии работы с социальными факторами радикализации (например, как в

Марокко). Е.Л. Сокирянская также подчёркивает, что «профилактика распространения джихадистских идеологий не должна подменять собой разрешение конфликтов» [19]: властям следует проводить системную работу по устранению факторов, способствующих радикализации. Правительства, борясь с терроризмом, должны стремиться обеспечить устойчивость социально-экономического положения уязвимых групп населения.

Е.Л. Сокирянская считает, что «масштабная идеологическая работа и слишком активная контрпропаганда могут иметь и свои негативные последствия»: если относиться к проблеме радикализации непропорционально серьёзно, в некоторых случаях происходит героизация террористических группировок [19].

Анализ перспектив развития профилактики радикализации мусульман позволяет определить её результативность. Но если оценка успеха программ размежевания и дерадикализации может оказаться трудной задачей (такие программы редко устанавливают критерии для оценки успешности различных инициатив: даже когда они это делают, результаты часто трудно проверить) [26], то для программ профилактики радикализации ситуация, на первый взгляд, ещё более сложная в силу незаконченности процесса, а лишь вероятности радикализации. Об эффективности дерадикализации свидетельствует отсутствие рецидивов, а профилактики радикализации – отсутствие или уменьшение явных проявлений радикализма. Именно поэтому профилактические меры являются наиболее перспективными, так как связаны с недопущением таких крайних явлений, как экстремизм и терроризм.

Заключение

Таким образом, в статье предложено разграничивать понятия «профилактика», отличающееся своим превентивным, упреждающим характером, и «дерадикализация», т. е. прежде всего – работа с носителями радикальной идеологии. Профилактика – это совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение нерадикализованного состояния тех, кто может с высокой вероятностью столкнуться с радикальной исламистской идеологией и в результате радикализироваться. Характерными чертами таких профилактических мер являются: 1) объектами профилактики радикализации мусульман становятся чаще всего представители местных общин, молодёжь и подростки, а также заключённые; 2) упор делается на противодействие распространению радикальных идеологий посредством информационной работы; 3) существует практика объединения усилий государственных органов, активистов гражданского общества и религиозных организаций; 4) в странах традиционного Востока, в отличие от Запада, в реализации профилактических мер приоритет отдаётся государственным органам и духовным структурам; 5) эффективность профилактических мер зависит от правильно подобранных инструментов противодействия распространению радикальной идеологии для каждой узкой группы в конкретной стране, в зависимости от сложившейся модели взаимоотношений государства и мусульманских общин.

Литература

1. *Ашраф А., Асланова И.* Радикализация и дерадикализация: изучение опыта иностранных боевиков-террористов. – Бишкек, 2021. – Режим доступа: https://www.hedayahcenter.org/wp-content/uploads/2021/05/RCRS_Report_Hedayah_RU-2.pdf (дата обращения: 25.09.2021).
2. *Вовлечение молодежи в усилия по противодействию насильственному экстремизму и радикализации, ведущим к терроризму // Отчет о выводах и рекомендациях. Совместное заседание экспертов в формате «круглого стола» Секретариата ОБСЕ и Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам*

- человека. – 2012. – Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/4/c/103356.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).
3. *Воронкова М.Л.* Особенности взаимодействия государства и религиозных объединений в зарубежных странах // *Известия Саратовского ун-та. Сер.: Экономика. Управление. Право*. – 2012. – Т. 12, вып. 4. – С. 87–92.
4. *Годованюк К.* Профилактика радикализации: опыт Великобритании // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. – 2018. – № 5. – С. 186–192.
5. *Гонсалес Седилло Х.И.* Роль мусульманской уммы в борьбе с ваххабизмом как политическим движением в России и Германии // *Исламоведение*. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 5–16.
6. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом // Организация Объединенных Наций. Совет по правам человека. – 2016. – Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/31/65> (дата обращения: 25.09.2021).
7. *Карначёва О.В., Нефляшева Н.А.* Опыт дерадикализации исламского движения в Египте и России // *Журнал исторических исследований*. – 2018. – Т. 3, № 4. – С. 18–32.
8. *Карначёва О.В.* Опыт Марокко: противодействие экстремизму и его предотвращение // *История и современность*. – 2020. – № 4. – С. 102–116.
9. *Миц Д.С.* Антитеррористическая функция государства. Единство подходов? // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. – 2021. – № 2. – С. 123–132.
10. *Надыршин Т.М.* Зарубежный опыт практики профилактики экстремизма среди подростков // *Проблемы современного образования*. – 2018. – № 1. – С. 121–132.
11. *Нефляшева Н.А.* «Только идеи могут бороться с идеями». Дерадикализация исламистов в Саудовской Аравии // *Исламоведение*. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 14–30.
12. *Панасенко В.Н.* Оценка опыта противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике // *Труды Академии управления МВД России*. – 2020. – № 4 (56). – С. 191–197.
13. *Пащенко И.В.* Современные практики дерадикализации осужденных за проявление религиозного экстремизма: мировой опыт // *Отечественная юриспруденция*. – 2016. – № 12 (14). – С. 26–33.
14. Превенция // *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь русского языка. – Режим доступа: <https://что-означает.рф/превенция> (дата обращения: 25.09.2021).
15. Предупреждение радикализации и проявлений ненависти на местном уровне // *Руководящие принципы для местных и региональных властей: Резолюция 384 (2015) 1*. – 2015. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680719e1c> (дата обращения: 25.09.2021).
16. Программы по предотвращению радикализации и дерадикализации в местах содержания под стражей // *Международный Комитет Красного Креста*. – Режим доступа: https://www.icrc.org/ru/download/file/26018/rus_radicalization_in_detention.pdf (дата обращения: 25.09.2021).
17. Профилактика // *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. – Режим доступа: <https://что-означает.рф/профилактика> (дата обращения: 25.09.2021).
18. *Саватеев А., Хайруллин Т.* Дерадикализация исламизма: опыт Саудовской Аравии // *Ислам в современном мире*. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 165–180.
19. *Сокирянская Е.Л.* Можно ли предотвратить новые волны радикализации на Северном Кавказе? Радикализация и ее профилактика в Чечне, Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии. 2019. – Режим доступа: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/mojno_li_predotvratit_novie_radikalisazii/ (дата обращения: 25.09.2021).

20. Сысоев А.М., Аболмасова Т.Е. Особенности процесса дерадикализации исламских экстремистов, отбывающих наказание в виде лишения свободы в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 2. – С. 26–30.
21. Тимофеева Е.А., Яворский М.А. Проблемы противодействия экстремизму и религиозному радикализму в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 3 (24). – С. 57–62.
22. Хвалей А.А. Радикализация мусульманской молодежи на Кавказе: искоренение причин и профилактика распространения // Социология. – 2020. – № 5. – С. 332–337.
23. Clutterbuck L. Deradicalization Programs and Counterterrorism: A Perspective on the Challenges and Benefits. 2015. – Режим доступа: <https://www.mei.edu/publications/deradicalization-programs-and-counterterrorism-perspective-challenges-and-benefits> (date of access: 24.09.2021).
24. Eijkman Q., Schuurman B. Preventive Counter-Terrorism Measures and Non-Discrimination in the European Union: The Need for Systematic Evaluation / The International Centre for Counter-Terrorism. 2011. – Режим доступа: Quirine Eijkman and Bart Schuurman <http://www.icct.nl/app/uploads/download/file/ICCT-Eijkman-Preventative-CT-and-Non-Discrimination-EU-July-2011.pdf> (date of access: 24.09.2021).
25. Horgan J. Walking Away: Disengagement and De-Radicalization From Terrorism. – 2009. – Режим доступа: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/event/Horgan.pdf> (date of access: 24.09.2021).
26. Popp G., Canna S., Day J. Common Characteristics of “Successful” Deradicalization Programs of the Past // NSI Reachback Report. – 2020. – Режим доступа: https://nsiteam.com/social/wp-content/uploads/2020/02/NSI-Reachback_B2_Common-Characteristics-of-Successful-Deradicalization-Programs-of-the-Past_Feb2020_Final.pdf (date of access: 24.09.2021).
27. Prevent Strategy // Presented to Parliament by the Secretary of State for the Home Department by Command of Her Majesty. – 2011. – Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97976/prevent-strategy-review.pdf (date of access: 24.09.2021).
28. Vocational Education and Training in Xinjiang // White Paper. – 2019. – Режим доступа: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201908/17/content_WS5d57573cc6d0c6695ff7ed6c.html (date of access: 24.09.2021).

References

1. Ashraf A., Aslanova I. *Radicalization and Deradicalization: Studying the Experience of Foreign Terrorist Fighters*. Bishkek, 2021. – URL: https://www.hedayahcenter.org/wp-content/uploads/2021/05/RCRS_Report_Hedayah_RU-2.pdf (reference date: 25.09.2021). (In Russian)
2. Engaging Youth in Counteracting Violent Extremism and Radicalization Leading to Terrorism. *Report on conclusions and recommendations of joint expert roundtable meeting of the OSCE Secretariat and the OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights*. 2012. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/4/c/103356.pdf> (reference date: 25.09.2021). (In Russian)
3. Voronkova M.L. Features of the Interaction of the State and Religious Associations in Foreign Countries. *Izvestia of Saratov University [Bulletin of Saratov*

University]. 2012. V. 12. Ser. Economics. Management. Law. Issue 4. Pp. 87–92. (In Russian)

4. Godovanyuk K. Prevention of Radicalization: the Experience of Great Britain. *Scientific-analytical bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2018, no. 5. Pp. 186–192. (In Russian)

5. Gonzalez Zedillo H.I. The Role of the Muslim Ummah in the Fight Against Wahhabism as a Political Movement in Russia and Germany. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2019. Vol. 10, no. 1. Pp. 5–16. (In Russian)

6. Report of the special rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism. *United Nations. Human Rights Council*. 2016. – URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/31/65> (reference date: 25.09.2021). (In Russian)

7. Karpacheva O.V., Neflyasheva N.A. Practices of the Islamic Movement Deradicalization in Egypt and Russia. *Journal of Historical Research*. 2018. Vol. 3, no. 4. Pp. 18–32. (In Russian)

8. Karpacheva O.V. The Experience of Morocco: Counteraction to Extremism and Its Prevention. *History and Modernity*. 2020. no. 4. Pp. 102–116. (In Russian)

9. Mitz D.S. The Anti-Terrorism Function of the State – The Unity of Approaches? *Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University*. 2021, no. 2. Pp. 123–132. (In Russian)

10. Nadyrshin T.M. Foreign Extremism Prevention Practices Among Adolescents. *Problems of Modern Education*. 2018, no. 1. Pp. 121–132. (In Russian)

11. Neflyasheva N.A. “Only Ideas Can Fight Ideas”. Deradicalization of Islamists in Saudi Arabia. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2019. Vol. 10, no. 4. Pp. 14–30. (In Russian)

12. Panasenko V.N. Assessment of the Experience of Countering Extremism and Terrorism in the People's Republic of China. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020, no. 4 (56). Pp. 191–197. (In Russian)

13. Pashchenko I.V. Modern Practices of Deradicalization of People Convicted for Religious Extremism: Global Experience. *Domestic Jurisprudence*. 2016, no. 12 (14). Pp. 26–33. (In Russian)

14. Prevention // Efremova T.F. *Explanatory dictionary of the Russian language*. – URL: <https://что-означает.рф/превенция> (reference date: 09.25.2021). (In Russian)

15. Prevention of Radicalization and Manifestations of Hatred at the Local Level. *Guidelines for local and regional authorities: Resolution 384 (2015) 1*. 2015. – URL: <https://rm.coe.int/1680719e1c> (reference date: 25.09.2021). (In Russian)

16. Programs on the Prevention of Radicalization and on Deradicalization in Penal Institutions. *International Committee of the Red Cross*. – URL: https://www.icrc.org/ru/download/file/26018/rus_radicalization_in_detention.pdf (reference date: 09/25/2021). (In Russian)

17. Prevention. In: *Ozhegov's Explanatory Dictionary*. – URL: <https://что-означает.рф/профилактика> (reference date: 09/25/2021). (In Russian)

18. Savateev A., Khairullin T. Deradicalization of Islamism: an Experience of Saudi Arabia.

19. *Islam in the Contemporary World*. 2019. Vol. 15, no. 3. Pp. 165–180. (In Russian)

20. Sokiryanskaya E.L. *Can New Waves of Radicalization in the North Caucasus Be Prevented? Radicalization and Its prevention in Chechnya, Ingushetia, Dagestan and Kabardino-Balkaria*. 2019. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/mojno_li_predotvratit_novie_radikalisazii/ (reference date: 25.09.2021). (In Russian)

21. Sysoev A.M., Abolmasova T.E. Features of the Process of Deradicalization of Islamic Extremists Serving a Sentence of Imprisonment in Penitentiary Institutions of Foreign Countries. *Bulletin of the Penal System*. 2017, no. 2. Pp. 26–30. (In Russian)

22. Timofeeva E.A., Yavorsky M.A. Problems of Counteracting Extremism and Religious Radicalism in Penitentiary Institutions of Foreign Countries. *Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016, no. 3 (24). Pp. 57–62. (In Russian)

23. Khvalei A.A. Radicalization of Muslim Youth in the Caucasus: Eradication of the Causes and the Prevention of Extremism // *Sociology*. 2020, no. 5. Pp. 332–337. (In Russian)

24. Clutterbuck L. *Deradicalization Programs and Counterterrorism: A Perspective on the Challenges and Benefits*. 2015. – URL: <https://www.mei.edu/publications/deradicalization-programs-and-counterterrorism-perspective-challenges-and-benefits> (reference date: 24.09.2021).

25. Eijkman Q., Schuurman B. Preventive Counter-Terrorism Measures and Non-Discrimination in the European Union: The Need for Systematic Evaluation / *The International Centre for Counter-Terrorism*. 2011. – URL: Quirine Eijkman and Bart Schuurman <http://www.icct.nl/app/uploads/download/file/ICCT-Eijkman-Preventative-CT-and-Non-Discrimination-EU-July-2011.pdf> (reference date: 24.09.2021).

26. Horgan J. *Walking Away: Disengagement and De-Radicalization From Terrorism*. 2009. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/event/Horgan.pdf> (reference date: 24.09.2021).

27. Popp G., Canna S, Day J. Common Characteristics of “Successful” Deradicalization Programs of the Past. *NSI Reachback Report*. 2020. – URL: https://nsiteam.com/social/wp-content/uploads/2020/02/NSI-Reachback_B2_Common-Characteristics-of-Successful-Deradicalization-Programs-of-the-Past_Feb2020_Final.pdf (reference date: 24.09.2021).

28. Prevent Strategy. *Presented to Parliament by the Secretary of State for the Home Department by Command of Her Majesty*. 2011. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97976/prevent-strategy-review.pdf (reference date: 24.09.2021).

Vocational Education and Training in Xinjiang. *White Paper*. 2019. – URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201908/17/content_WS5d57573cc6d0c6695ff7ed6c.html